НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Волков Ю. Г.,

доктор философских наук,

профессор, директор,

Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН,

Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Аннотация. Проблема новых социальных лифтов в российском обществе вошла в общественное пространство, став дискуссионной не только для экспертного сообщества, но для практических управленцев. Очевидно, что возникшие социально-сословные и социально-территориальные (пространственные) барьеры на пути восходящей социальной мобильности генерируют мультипликативный эффект социальной стагнации. Новые социальные лифты в региональном пространстве, как полагает автор статьи, являются механизмами восходящей социальной мобильности субъектов регионального пространства (волонтерских движений, социальных сетей, субкультурных практик), ориентированных на изменения социально-статусных позиций по критериям общественной полезности, социального творчества, социального самоопределения. Применяя принципы ресурсного подхода (объем капиталов, разнообразие капиталов, ресурсный потенциал регионального пространства, ресурсоспособность региональных элит и неэлитных субъектов регионального пространства) на основе результатов общероссийских и региональных социологических исследований, посвященных различным аспектам данной проблемы, обосновывается следующий вывод: формирование новых социальных лифтов является результатом «общественного договора» региональных элит при нацеленности на социальную «капитализацию» и субъектов регионального пространства, формирующих новые социальные лифты в рамках конвертации социального и культурно-символического капиталов не

для включения в региональные элиты, а для приобретения ресурса влияния на принятие жизненно важных решений для регионального развития.

Ключевые слова: новые социальные лифты, региональное пространство, региональные элиты, субъекты регионального пространства, ресурсоспособность, ресурсный потенциал.

NEW SOCIAL ELEVATORS IN THE REGIONAL SPACE

Volkov Yury G.,
Doctor of Philosophy,
Professor, Director,
South Russian Branch of FCTAS RAS,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Abstract. The problem of new social elevators in Russian society has entered the public space and has become a discussion space not only for the expert community, but also for practical managers. It is obvious that the social class and socio-territorial (spatial) barriers to upward social mobility generate a multiplicative effect of social stagnation. According to the author of the article, new social elevators in the regional space are mechanisms of upward social mobility of subjects of the regional space (volunteer movements, social networks, subcultural practices), focused on changes in social status positions according to the criteria of social utility, social creativity, and social self-determination. Applying the principles of the resource approach (volume of capital, diversity capital, resource potential regional space, resursoemkost regional elite and non-elite actors of the regional space) on the basis of the results of all-Russian and regional sociological researches devoted to different aspects of the problem, it is concluded that the formation of a new social mobility is the result of a "social contract" with regional elites

focus on social “capitalization” and the regional space, forming new social elevators within the framework of converting social and cultural-symbolic capital not for inclusion in regional elites, but for acquiring a resource of influence on making vital decisions for regional development.

Keywords: new social elevators, regional space, regional elites, subjects of regional space, resource capacity, resource potential.

Несмотря на возникновение новых внутренних и внешних социальных рисков, актуальным является системный эффект избыточных социально-стратификационных и социально-территориальных неравенств. Это проявляется и на социальном макроуровне, и на социальном микроуровне. На социальном макроуровне существует запрос на обновление кадрового потенциала системы управления и социально-экономической жизни в целом. На социальном микроуровне проявляются негативные настроения населения по поводу сокращения возможностей восходящей социальной мобильности. Это происходит потому, что российскому обществу грозит участь превратиться в общество сословно-замкнутое, что сужается социально-конкурентная среда, что, по мнению большинства населения, социальные лифты перестают быть механизмами, работающими на возможности занять высокие социальные позиции по меритократическому принципу в зависимости от профессиональных, образовательных, деловых, карьерных качеств, способности реализовать творческий, личностный потенциал. Разумеется, указанная проблема не является проблемой исключительно российского общества. Как показывал французский исследователь А. Мендра, еще в 1960-е гг. во Франции имел хождение миф о возможности каждого добиться успеха в жизни через личный труд и усилия, хотя в реальности только высший слой имеет тенденцию к самовоспроизводству. Явной доминантой является возникновение новых социальных барьеров и фильтров на пути продвижения представителей базисных социальных групп в социально престижные высокооплачиваемые сферы [Мендра, 2000: 261–262].

В России этот вопрос приобрел особую остроту в связи с тем, что очевидны минусы снижения восходящей социальной мобильности. Первый минус — это усиление притока талантливой, образованной молодежи в столичные центры. Согласно социологическим данным последних опросов каждый четвертый молодой провинциал-россиянин готов поменять место жительства на столицу [Охота... 2019]. Второй минус связан с тем, что миграция молодежи из «отсталой» провинции создает проблему замкнутого круга. Развитие российских регионов невозможно вне роста человеческого капитала, закрепления профессиональных инициативных кадров во всех сферах жизни регионального социума. Но существующие условия социального роста находятся в неудовлетворительном состоянии. Как результат — сжатие человеческого капитала региона, что приводит к пролонгированию ситуации социальной депрессии и сужению возможностей инновационного развития.

Между тем значимый концептуальный и социально-практический смыслы приобретают новые социальные лифты и в российском обществе в целом, и в региональном пространстве, где, как отмечалось ранее, очевидны миграционные настроения, желание переменить место жительства не только по соображению трудоустройства, но и в поисках новых жизненных перспектив. Хотя территориальная иммобильность пока доминирует в настроениях «регионалов» (55%) [Охота... 2019], «переезд в столицы» становится набирающим силу трендом. Нельзя разделить восторг по поводу того, что взоры не только молодежи, но и среднего поколения обращены к мегаполисам: действует правило «насоса», порождая социально-демографические, социально-экономические, социокультурные последствия для развития российских регионов. Традиционная позиция по созданию «новых рабочих мест», повышению качества жизни в регионах и, таким образом, нивелированию и нейтрализации социально-территориальных неравенств, представляется содержащей паллиативный эффект. Во-первых, современная экономика, являясь высокотехнологичной, не обеспечивает механического роста рабочих мест, так как крупные промышленные объединения — прошлое индустриальной

эпохи. Во-вторых, следует исходить из оптимального решения, определяемого или издержками на реконструкцию и возобновление работы предприятий индустриального цикла, или на создание новых производств (эпопея с угольной отраслью России является наглядным примером). В-третьих, «новые рабочие места» интерпретируются в широком диапазоне (от возвращения к модернизированной индустриальной экономики до развития и поддержки мелкого и среднего бизнеса как резерва современной экономики).

Актуальным становится описание проблемы новых социальных лифтов в российском региональном пространстве как альтернативы экстенсивному развитию регионов, что ограничено или вообще невозможно из-за высоких издержек, преодоления схемы «догоняющего» развития. Кроме того, изложение логики проблемы состоит не только в том, чтобы попытаться обосновать определенные ответы на вопросы об оптимальных путях решения сложной социально-экономической задачи, но и, рассматривая состояние концептуальных и методологических разногласий, как отмечала Н. Е. Тихонова, выработать контуры концепта новых социальных лифтов [Тихонова, 2014: 9]. Целесообразность теоретического осмысления диагноза социальных последствий новых социальных лифтов в региональном пространстве определяется качественно иными условиями, способами и целями восходящей социальной мобильности по сравнению со схемой социальной мобильности, изложенной П. А. Сорокиным в середине XX в. [Луц, 2016]. Американские социологи, исследуя истоки «бунтарства» молодежи 1960-х гг., вынуждены были признать, что традиционные социальные лифты (образование, политические ассоциации, профессиональная деятельность) не работают в условиях «недетерминированности судьбы взрослых», ограничения постепенной социальной карьеры, основанной на образовании и профессии, переставших гарантировать восходящую социальную мобильность.

Можно предположить, что новые социальные лифты — механизмы восходящей социальной мобильности, формируемые и реализуемые в контексте создания инновационных социальных ниш, связаны с социальными и экономико-технологическими

изменениями в региональном пространстве. С целью достичь социологической обоснованности выдвинутого положения, возникает необходимость обратиться к методологии и методам исследования, содержащим критерии эмпирической идентификации новых типов восходящей социальной мобильности в региональном пространстве.

Поставленная в статье проблема актуализирована не случайно, являясь следствием развития регионоведческой тематики в отечественной социологической мысли, с одной стороны, и осознания социальной конфликтности и напряженности в обществе в контексте избыточных социальных неравенств — с другой. Региональное пространство как структурированность социальных позиций, социальных практик и социальных институтов в регионе, определяемое совокупностью социально-экономических, социально-территориальных, культурно-исторических факторов, является свидетельством совместимости социального и физического пространств. Однако концептуальный интерес вызывает состояние социальной мобильности, изменений в социальном пространстве, переструктуризация субъектов социальной деятельности. Таким образом, новые социальные лифты можно рассматривать как динамичный аспект регионального пространства. Сложность исследовательской ситуации заключается в том, что в отечественной социологии приоритетным до сих пор является структурно-институциональный подход.

Речь идет о классификации регионов по структурным и функциональным признакам [Маркин, 2008: 12]. Такая позиция затрудняет осмысление регионального пространства как социального, и в результате на первое место выходят критерии инвестиционного климата, кредитоспособности, готовности к цифровизации.

Также нужно подчеркнуть, что в качестве стимулятора предлагалось развитие территориальных кластеров, зон опережающего развития и внедрение новых технологий. В настоящей ситуации, когда инвестиционная активность, по известным объективным причинам, пошла на спад, есть необходимость обратиться к ресурсному подходу, при котором инновационное

развитие принимается как человеко-ориентированное, направленное на поиск, поддержку человеческого капитала региона как совокупности социально-мобилизационных, интеллектуальных, профессиональных, деловых качеств.

В этом контексте региональное пространство воспринимается как пространство новых социальных лифтов, так как новые социальные лифты, не являясь калькой схемы создания новых рабочих мест, генерируются в новых социальных конфигурациях (волонтерство, социальные сети, группы социальной инициативы, субкультурные практики). Между тем воспроизводятся попытки рассматривать новые социальные лифты, как следствие внесения корректив в действующие схемы восходящей социальной мобильности. В чем причина методологической косности? Очевидно, что актуализируемые критерии развития регионального пространства, как отмечает Н. Е. Тихонова, не содержат объяснения перспектив социальной мобильности, зависящей не только от объективных экономических характеристик групп, но и от усилий самих людей, их специфических возможностей [Тихонова, 2014].

Методология предпринимаемого исследования основывается на ключевом понимании социального ресурса как способности конкретных групп взаимодействовать на основе влияния, легитимации, «давления» для достижения целей восходящей социальной мобильности [Чернега, 2014]. Таким образом, исследовательский акцент делается на критерии ресурсного потенциала регионального социума, совокупности ресурсов, содержащих возможности возникновения новых социальных лифтов и ресурсоспособности субъектов регионального развития как групп, обладающих разнообразием капиталов для изменения социальных позиций на основе новых социальных ниш.

Очевидно, что российские регионы, воспроизводя схему разделения на лидеров, регионы среднего уровня и депрессивные, допускают определенную методологическую погрешность. Критерий экономического роста соответствует схеме догоняющего развития, воспроизводства отставания в новых формах и закреплении в реальной практике финансово-субсидиарной системы отношений между регионами и федеральным центром. Если

исходить из реальности и складывающейся между федеральным центром и регионами ситуации, то проблема новых социальных лифтов в региональном пространстве внешне отсылает к созданию «стартовых площадок» через финансово-организационное обеспечение со стороны федерального центра.

Но востребованная инициатива может и не иметь эффективных результатов, если не происходит «встречного» движения, закрепления в качестве критерия ресурсного потенциала регионального пространства таких показателей, как создание новых социальных и социально-технологических ниш как новых социальных лифтов, характеризующихся качественно новыми статусными позициями, такими как социальный престиж, социальное самоопределение, реализация творческих замыслов, что отличается от веберианского подхода акцентированием социальной ресурсности в виде разнообразия социальных капиталов.

Развивая заявленную тему исследования, согласимся с тем, что особенности регионального неравенства в России подразумевают анализ межрегионального неравенства не только по доходам и ряду других социально-экономических индикаторов, но и по уровню успешности социальных процессов, напрямую влияющих на региональную социальную дифференциацию [Лапин, 2015: 37]. Реализуемая сеть лидерских проектов¹, призванных сформировать новое поколение лидеров и сделать прорыв в росте социальной мобильности населения регионов имеет некоторые ограничения, связанные с тем, что сам характер, сама направленность проводимых масштабных акций ориентирует их участников на высокую социальную мобильность через перемещение из регионов в «столицы», учитывая плотность карьерных лестниц в регионах, засилье «династических» кланов. Также не следует упускать и тот факт, что региональное пространство как структурированность социальных капиталов в региональном социуме актуализирует такие показатели, как развитость социальной инфраструктуры (состав и результативность деятельности общественных объединений), состояние

1 Конкурс «Лидеры России» Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://лидерыроссии.рф> (дата обращения: 25.03.2020)

диалога между региональной властью и региональным социумом, социальная консолидация населения региона, лидерский потенциал (уровень готовности субъектов регионального пространства взять ответственность за судьбу региона). Другими словами, новые социальные лифты в российских регионах означают не только создание соответствующего организационно-технического инновационного пространства. Если исходить из критерия мобилизации ресурсов (Н. Залд, и Ч. Тилли), субъекты регионального пространства должны характеризоваться установками на социальные изменения, формирование регионального пространства, когда социальный капитал является катализатором перемен в различных сферах общественной жизни региона [Скабелина, 2010: 51].

Основываясь на результатах социологических исследований, проведенных в 2017–2018 гг. в Хабаровском и Приморском краях, можно представить неоднозначную картину ресурсного потенциала регионального пространства. Общественные организации и движения, как подчеркивают авторы исследований, представляют собой сферу проявления и реализации индивидуальных, групповых и региональных интересов, позволяющих населению удовлетворять потребности в консолидации, самореализации, защите и обеспечивающих возможность творческой деятельности [Ерохин, Красножон, 2018; Сидорова, 2018].

В контексте исследуемой проблемы небезынтересно определить степень участия общественных организаций в формировании новых социальных лифтов. Например, в Приморском крае наблюдается достаточно высокий уровень доверия к общественным организациям. Оценка результативности работы общественных организаций выглядит следующим образом: «приносят несомненную пользу» — 44%, «приносят большую пользу» — 27%, «сомневаюсь в полезности их существования» — 24%, «нет пользы» — 5%. Можно сделать вывод, что в целом, несмотря на сложность и однозначность социально-политической, социально-экономической ситуации, характеризующей Дальний Восток как зону «стабильной социальной напряженности», общественные организации заняли место

в структуре регионального пространства, и с их деятельностью ассоциируются ожидания населения, которые, на наш взгляд, являются «авансированными», так как в большей степени отражают разочарование результатами деятельности официальных структур, а на этом фоне общественные организации выступают, по крайней мере, приносящими определенную пользу для региона и демонстрирующими готовность внести вклад в решение региональных проблем.

Данный вывод подтверждается тем, что в параллельном социологическом исследовании, проведенном в Хабаровском крае, фиксируется достаточно высокий уровень недоверия к деятельности общественных организаций, который не является критическим в перспективном аспекте, но создает неблагоприятный фон для оценки как текущей ситуации, так и будущих социальных проектов. Выявлено, что причинами недоверия являются: «не видно результатов деятельности» (37,3%), «не знаю ничего об их деятельности» (38,6%), «они выполняют задания органов власти» (15,3%), «они бесполезны, не эффективны, их мнение нигде не учитывается» (12,0%), «вообще никому не доверяют» (11,7%) [Сидорова, 2018: 81].

Если не сомневаться в сравнении результатов исследований по схеме «полстинга», очевидно, что расхождение результатов исследования вписывается в бифуркационный вариант, когда общественные организации воспринимаются альтернативой сложившейся неудовлетворительной ситуации в региональном пространстве, с другой — не оправдывают ожиданий, особенно критически настроенных акторов регионального социума, и реально или по логике подозрения воспринимаются как бесполезные, связанные с самопредставительством или работающие в тесной связке с региональной властью на условиях исполнительства.

Сфера интересов общественных движений, несмотря на обилие зарегистрированных НКО, демонстрирует низкую социальную ресурсность по критерию «разнообразия» ресурсов, дефицита социального влияния, доверия и инициативы. Оставляя в стороне вопрос о «мертвых душах», о формализме в оценке деятельности, обоснованным можно считать, что

общественные организации, как показатель ресурсного потенциала регионального пространства, в большой степени характеризуются уровнем надежд и ожиданий, в то время как реальные результаты влияния на развитие регионального пространства представляются скромными. Отмечается, что развитие некоммерческого сектора создает новые рабочие места, но об участии в формировании новых социальных лифтов речь не идет.

Сегодня можно выделить основной тренд развития ресурсного потенциала регионального пространства — это подготовка и реализация различных проектов в сфере экологии, медицины, защиты потребительских прав, сохранения культурных памятников. Разумеется, социально-проектный вид деятельности отражает позитивные перемены в деятельности общественных организаций при переходе от демонстративно-представительской деятельности к «повседневной», повышая их авторитет во взаимодействии с региональными властями. При этом возрастают поддержка и понимание со стороны населения региона.

Выявлен интерес населения регионов, особенно, социально проблемных, находящихся в зоне повышенной социальной напряженности и испытывающих эффект социально-территориального дистанцирования от центра, к «нетрадиционным», не вписываемым в «официальный» общественно-политический дискурс организациям (волонтерские объединения, социальные сети, субкультурные практики), ориентированным на социальную миссию в региональном пространстве (охрана исторического наследия, поддержка малообеспеченных семей и пенсионеров, поддержка культурных организаций и движений, волонтерство и благотворительность). Согласно результатам исследования, проведенного в Приморском крае, отмеченной позиции придерживается 21,7% респондентов, которые одобряют деятельность волонтерских ассоциаций, как лидирующих в «списке» общественных организаций региона [Ерохин, Красножон, 2018]. Есть основания считать, что волонтерские движения пережили период модности и обретают статус устойчивого субъекта регионального пространства и, что не менее важно, оценка ресурсного потенциала региона включает

не столько формальные признаки (количество общественных организаций), а отражает роль новых субъектов регионального пространства, целью которых является направленность деятельности на опережающее развитие регионального пространства в контексте формирования новых социальных лифтов.

В пользу данного утверждения свидетельствует, во-первых, стимулирование профессионализма, востребованного при возникновении новых и неожиданных социальных рисков (нынешний эпидемиологический кризис), когда привычные, отлаженные схемы социальной активности перестают действовать, и требуется «мобилизация ресурсов» региональных элит и субъектов регионального пространства. Иными словами, ключевым показателем ресурсного потенциала регионального пространства становится разнообразие социальных ресурсов (властных, экономических, социальных, культурно-символических). Во-вторых, накопленный ресурс самоорганизации существенно упрощает региональное управление, при котором значимым фактором становится уровень социальной консолидации регионального пространства, концентрации ресурсов в целях устойчивого развития в посткризисный период.

В этом контексте новые социальные лифты как механизмы восходящей социальной мобильности в региональном пространстве определяются в рамках формирования запроса высокоресурсных групп региона на формирование социальных ниш, связанных с общественным участием, общественной полезностью, общественной самореализацией. Следует подчеркнуть, что новые социальные лифты катализируют процессы кадрового обновления регионального управления, формирование «поколения лидеров», «ядра» регионального пространства, к которому подключаются, в зависимости от объема и разнообразия социальных ресурсов, субъекты регионального пространства, социальные группы, обладающие ресурсным потенциалом, способным влиять на конфигурацию регионального пространства и по логике групповых интересов участвовать в формировании новых социальных лифтов.

Субъективным критерием формирования новых социальных лифтов является уровень согласованности действий

региональных элит, как владеющих властными экономическими ресурсами регионального пространства в достижении согласия и сотрудничества с субъектами регионального развития, описанными выше, для которых жизненные цели связываются с судьбой региона, карьерой в регионе, восприятием собственных успехов как позитивных перспектив развития региона. Новые социальные лифты требуют актуализации трех факторов.

Первый связан с ресурсным потенциалом регионального пространства — это уровень профессионализма, образованности, определяющих настроенность на показатели общественной полезности и общественного самоопределения, иными словами, способность к коллективному.

Второй — определяется готовностью региональных элит к «мобилизации ресурсов» не только на основе профессионального бэкграунда, о чем было написано достаточно много в начале 2000-х гг., но и позитивного отношения к новым социальным инициативам, порождающим внедрение и поддержку изменений в различных сферах региональной жизни, которые определяются и качеством кадрового ресурса, и степенью, направленностью субъектов регионального пространства.

Третий фактор можно охарактеризовать, как результативность формирования новых социальных лифтов. В этом контексте важно обращение к социологическим исследованиям, затрагивающим проблемы пространственной дифференциации российского общества. Дело в том, что новые социальные лифты следует понимать, как возможность социального роста и социально-профессиональной карьеры, формируемой в конкретном региональном пространстве, которое содержит различия в виду неравномерности развития регионов и столицы.

Если исходить из показателей профессионального и образовательного уровней удовлетворенности условиями жизни, тем, что дает возможность системного сравнения столицы и российских регионов, то, возможно, есть основания для вывода о том, что для 16% жителей столицы и 19% живущих «регионалов», человеку с современными вопросами в провинции жить трудно и неинтересно [Столицы и регионы... 2018: 150]. Это ключевой показатель, свидетельствующий о том, что

в российском обществе устоялся стереотип «косной» провинции, что региональная жизнь отличается затхлостью, рутинностью, и перспективному человеку не только пробиться трудно, но и проблематично ощущать себя современным в российской провинции.

Что значит «быть современным»? Речь, вероятно, идет не только о материальных благах современной цивилизации — в этом наблюдается безусловный прогресс к нивелированию социально-бытовых и культурно-бытовых диспропорций между регионами и «столицами» (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск). Формула жизни в регионе может означать привычку жить по «обкатанной» схеме, довольствуясь принятыми жизненными стандартами и повторяя жизненный путь старших поколений. Данные показатели не являются доминантными, но определяют отмеченную тенденцию, связывая ожидания новых социальных лифтов со «столицами», с повышенными требованиями, с тем, что региональная жизнь не мотивирует к социально-экономической активности, выходящей за пределы уже устоявшихся схем регионального воспроизводства.

Здесь нужно также учитывать, что, вероятно, подобной позиции придерживается наиболее мобильная, ориентированная на социальный и профессиональный рост молодежь. Также приблизительно одинаковое количество респондентов (21%) поддерживают точку зрения тех, кто, бывая в «глубинке», видит, какой отсталой остается провинциальная Россия [Шмерлина, 2007]. В этом контексте новые социальные лифты приобретают форму позитивного, но далекого от жизни идеала, а это снижает мобильность регионального социума и приводит к самоупокоению региональных элит, для которых первостепенным является сохранение хороших отношений с федеральным центром как условие сохранения монополии на властные и экономические ресурсы, внутриэлитной консолидированности, переходящей в «клановость» в отношении населения регионов.

Анализ карьерных траекторий региональных элит приводит к «отрезвляющему» выводу: на сегодняшний день выходит,

что российская элита закончила свое формирование и начала воспроизводство: одни и те же люди, члены одних и тех же кланов, фамилий получают все знаковые места. [Дука, 2020: 15] На чем основываются выводы российских социологов? На совокупности показателей карьерного пути и карьерного самочувствия тех, кого можно причислить к региональной элите. Первое, что является достаточно очевидным, — доминирование выходцев из бизнеса, административных структур и депутатского корпуса (53%) [Дука, 2020: 15]. Что объединяет внешне конкурирующих и отличающихся по жизненным целям и характеру социальной активности людей? Вероятно, учитывая специфику региональной жизни, выражающуюся в стремлении к воспроизводству стабильности как недопущению неконтролируемых и вызывающих непредвиденные последствия изменений, доминирует стремление попасть в круг «избранных» и, закрепившись там, получить доступ к ресурсам влияния, став «своим» в элитном круге.

Внимания заслуживает и тот факт, что в региональных элитах мало тех, кого можно назвать политическими активистами, из которых формировались первая, потом вторая волна российской элиты 1990-х гг. Также речь идет о достаточно узком сегменте специалистов, представителей науки, культуры, образования (соответственно 3%, 5% и 11%) [Дука, 2020: 19]. Иными словами, доступ к региональным элитам затруднен для тех, кто может, обладая «излишней» инициативой, реализовать собственные устремления, создавая группы «карьерных амбиций», внося беспокойство в региональную элиту по поводу её положения в региональном пространстве. Возможно, этот вывод был бы ошибочным, если бы не тот факт, что в региональных элитах сформировалась схема циркуляции кадров, обретающая если не черты советской номенклатуры, то сращенность в немалой степени деловых и властных интересов.

Суждение одного из авторов исследования о региональных элитах К. Ткачевой (Центр стратегических разработок, 2017) о том, что региональные элиты стремятся быть автономнее от центра в силу отсутствия самостоятельности [Мухаметшина, 2017], «убедительно» в контексте логики «децентрализации»,

но является полемичным по карьерным траекториям региональных элит, приведенным в исследовании А. Дуки. Очевидно, во-первых, что региональные элиты имеют бюрократический бэкграунд и в этом смысле самостоятельность может интерпретироваться только как определенной коридор возможностей в рамках сложившейся вертикали власти. Во-вторых, довод о желании устранить помехи развитию региона, приведенный в исследовании региональных элит ЦСР, как позиция региональных элит, нуждается в уточнении в том смысле, что региональные элиты занимают неравный статус по отношению к федеральному центру (критерии сближенности/удаленности) и по интенсивности, и разнонаправленности неформальных связей, и, следовательно, необходимо различать восприятие помех развитию региона как возможность самостоятельно распоряжаться и внутренними, и предоставляемыми ресурсами, и как «блокирование» обязательств, которые понимаются чрезмерными или несправедливыми по сравнению с другими регионами.

В этом контексте региональные элиты консолидированы по отношению к федеральному центру, как «условные лоялисты» в общих требованиях поддерживающей стратегии, включающей финансовые ресурсы для участия в федеральных и региональных проектах. Интересным фактом является то, что региональные элиты «соревнуются» в расширении возможностей федеральных проектов, что отражает позицию сочетания переложения ответственности на федеральный центр и одновременно усиление собственного ресурсного потенциала.

Региональные элиты отличаются доминированием лиц среднего и старшего возраста, что поддерживает низкий уровень омоложения, прихода новых кадров. По выборке приведенного выше исследования, таких всего 10%, причем людей до 30 лет вообще ничтожно мало (1%) [Дука, 2020]. «Модальная» группа 41–66 лет характеризуется опытом сохранения кадровой стабильности, но позицию влияния сохраняют так называемые «деды» (60–80 лет), которые, очевидно, относятся к поколению «крепких хозяйственников» и администраторов предшествующего периода, и хотя ушли с лидирующих

позиций, реально влияют на деятельность управленческого аппарата, и «противовесом» принятию «рискованных» решений, имеющих последствием внесение раскола в региональные элиты, в контексте нарушения неформальных внутриэлитных отношений.

Как бы мы ни относились к суждению о становлении «сложности» в социальной структуре регионального пространства, очевидно, есть повод говорить о том, что во внутренней консолидации региональных элит приоритетное место занимает логика воспроизводства, передачи «власти и собственности» по наследственному статусу или статусу «близких», то, что можно описать как неформальные механизмы сохранения и приумножения элитных позиций в региональном пространстве. Конечно, это нуждается в самостоятельном исследовании, но, судя по результатам исследования ФНИСЦ РАН [Столицы и регионы... 2018], ресурсы неформальных сетей в жизненных траекториях региональных элит выражаются в династическом факторе (внешне «дети» не повторяют судьбу «отцов», не ориентированы начать свой жизненный старт с политической карьеры и не замечены в участии в молодежных общественных структурах), тем не менее на основании юридического, экономического, финансового бэкграунда у них формируется стартовая площадка для активности в схеме «бизнес-политиков». При том, что согласно социологическому исследованию А. Е. Чириковой «Региональные элиты России: опыт социально-психологического анализа» [Чирикова, 2019] большинство представителей региональных элит заявляют о праве собственного выбора детей, возможности самореализации, но если отбросить предположения о «лукавстве» респондентов, следует принимать во внимание, что судьба детей, если и мыслится вне регионального элитного пространства, связана с получением качественного элитного образования прежде всего за рубежом или по крайней мере в столицах и перспективами вхождения в бизнес-элилу с возможным переходом в региональный политический класс.

Практически нулевой процент молодежи в региональных элитах может интерпретироваться как «традиционализм»

(«элита — удел зрелых»), но с другой стороны, уместно допущение, что действует схема передачи бизнеса в целях отвода обвинений в сращенности политики и власти, в той же степени можно говорить о том, что нацеленность «детей» на жизнь в столицах или за рубежом связана со снижением рисков неопределенности жизненной карьеры, ощущением нестабильности в ситуации резких кадровых изменений в региональном руководстве. Поэтому доминирующее положение «среднячков» и «дедов» является фактором согласования интересов и установления ограничений для «чужих», так как претенденты на вхождение в региональные элиты и перспективу обновления не обладают качествами элиты среднего и старшего возрастов, но, с другой стороны, и не могут предъявлять претензии на возрастную дискриминацию, так как «дети» региональной элиты не ориентированы на прямую восходящую карьеру, как «отцы», а, скорее, вхождение в региональные элиты связывается с новыми профессиональными местами, которые не могут быть квалифицированы, как новые социальные лифты, а являются механизмами восходящей социальной мобильности в сложившихся властных и экономических институтах регионального пространства.

Как видится, проблема омоложения, приумножения кадрового потенциала регионов имеет существенный ограничитель в актуализации возрастного ценза. Новые социальные лифты воспринимаются как инициатива «сверху», которая может оцениваться конъюнктурно и иметь временный характер, связанный с потребностью «вливания новой крови» в федеральные структуры. Новые социальные лифты, как механизм обновления региональных элит, воспринимаются многими неоднозначно. С одной стороны, сформировавшиеся региональные элиты осознают пределы зависимости от федерального центра в условиях дефицита финансовых и политических ресурсов. Но как ни парадоксально звучит, достаточно скептически относятся к перспективам формирования новых социальных лифтов в региональном пространстве как фактору роста самостоятельности и компетентности и в отношениях с федеральным центром, и при переходе от схемы объема ресурсов к их разнообразию, привлекательности социального и культурно-символического

капиталов, что требует регулярных практик взаимодействия с субъектами регионального пространства. Этому мешают устоявшиеся критерии ресурсного потенциала регионального пространства — показатели инвестиционной привлекательности, инвестиционного климата, кредитоспособности регионов настраивают на поиск внешних займов, приход активных и заинтересованных инвесторов и воспроизводят незаинтересованность в поиске внутренних ресурсов, связанных с социальной и культурной спецификой регионального пространства.

Также не следует сбрасывать со счетов, что новые социальные лифты приведут в активное состояние множество молодых людей, способных составить реальную конкуренцию существующей региональной элите. Так что, ситуация безнадежна? Есть обнадеживающий момент, и в условиях роста кризисных явлений в региональной жизни, относящейся не только к социально депрессивным регионам, открывается «форточка для свежего ветра»: региональные элиты вынуждены опираться на формулу: лучше проблемный «свой», чем присланный «варяг». Хотя и здесь появляется риск усиления «клановости» региональных элит и, как следствие, концентрация усилий на властном ресурсе, ограничивающем возможность социальной капитализации региональных элит.

Справедливости ради следует отметить, что реализуемая на федеральном уровне пространственная стратегия, дающая мультипликативный эффект развития страны в целом, является схемой экономической централизации, аккумуляции ресурсов и населения в перспективных регионах; отрицательный эффект — депопуляция и политика самоупрезрения регионов. Поэтому целесообразна дифференциация по отношению к региональным элитам по критерию востребованности в формировании новых социальных лифтов. В такой конфигурации новые социальные лифты становятся ситуативным ходом в зависимости от ориентированности региональной элиты на формулу централизации/децентрализации. Речь о том, что на уровне региональных элит есть осознанное просчитывание целесообразности стратегий деятельности по формированию новых социальных лифтов в региональном пространстве.

Это проявляется следующим образом: региональные элиты заинтересованы в сохранении монополии на ресурсный потенциал регионов и закрепляют за новыми социальными лифтами роль сдерживающего фактора риска вымывания экономически активного населения. Это грозит ухудшением перспектив развития региона, статуса региональной элиты. Но она занимает позицию «постороннего наблюдателя», если регион не имеет достаточной ресурсной базы, если воспринимается как социально-депрессивный, которому выгодно жить на трансфертах федерального центра.

Отметив данную ситуацию, понимаем, что приход не связанных с региональными элитами новых назначенцев во власть связан с формированием «собственной команды», которая призвана компенсировать риски, связанные с недовольством «коренных» региональных элит. В таком контексте новые социальные лифты имеют двоякую функцию. С одной стороны, они призваны поднять авторитет «приезжих» перед той частью регионального социума, которая не входит в региональные элиты, но претендует занять позиции равноправных участников своеобразного общественного договора «о доступе к власти» в региональном социуме. С другой стороны, какой бы квалифицированной ни была «новая команда», есть опасения по поводу того, что даже предпринимаемые и соответствующие критериям управленческой эффективности меры по поддержанию стабильности в регионе могут «повиснуть в воздухе» или перейти в тихое сопротивление местных элит, резистентность инновациям в системе управления на среднем и локальном уровнях.

В ряде российских регионов «назначенцы» за годы правления вынуждены были переходить либо на ручной метод управления, либо находиться в постоянном управленческом цейтноте, занимаясь «перетасовыванием» собственной команды. Не достигнув доверительных отношений со «старыми» региональными элитами, они вынуждены переключать внимание на отношения с федеральным центром, пытаться заручиться его поддержкой на основе проведения лояльной политики по отношению к центру и находясь в состоянии вялотекущей или

открытой конфликтности с региональными элитами, не будучи принятыми региональным социумом.

Говоря о позитивной аргументации, стимулирующей региональные элиты к поддержке инициативы федерального центра по подготовке кадрового резерва, упирающейся в проблему создания новых социальных лифтов, следует подчеркнуть, что региональные элиты дифференцируются по степени реальной заинтересованности в результативности создания регионального пространства, способствующего формированию новых социальных лифтов. Свидетельством тому является, как отмечалось выше, объем ресурсов региональных элит, их отношение к сотрудничеству с субъектами регионального пространства и, что не менее важно, понимание общей цели развития регионального пространства, когда новые социальные лифты способствуют диверсификации ресурсов, расширяя сферу возможностей для социального и профессионального роста, особенно региональной молодежи.

В условиях роста внутренних и внешних рисков новые социальные лифты являются ресурсом стабильности, так как занявшие престижные и высокодоходные статусные позиции представители регионального социума заинтересованы если не в безусловной поддержке региональной элиты, то в сохранении долгосрочной стабильности, являющейся гарантом устойчивого регионального развития. Как показывает опыт российских регионов, формирование инновационного пространства является сложным делом, если в регионе наблюдается раскол внутри элит, трения с новым назначенцем и господствует конъюнктурный подход решения проблем по мере их поступления.

Во-первых, следует заключить, что региональные элиты заинтересованы в инновационном развитии, но интерпретация самого смысла инновационного развития, его факторов и целей определяется внутриэлитным состоянием, а также отношениями с внешними субъектами (федеральным центром и, в меньшей степени, региональным социумом).

Во-вторых, есть основание считать, что в рамках реализации общероссийского лидерского проекта, когда конечной целью является формирование новых социальных лифтов, доминирует выжидательная позиция, делаются определенные усилия,

иногда имитационного характера, по выборочной реализации национальных проектов в регионе со ссылкой на уровень инновационного потенциала в человеческом измерении.

В-третьих, региональные элиты рассматривают формирование новых социальных лифтов как неприоритетную задачу по причине дефицита опыта по формированию инновационного пространства именно в человеческом измерении. Здесь нельзя похвалиться определенными достижениями, когда конкретный регион мог бы выступить лидером масштабной инициативы.

Резюмируя, заметим, что региональные элиты в нынешнем состоянии сформированы для включенности в систему вертикальной интеграции, налаживания отношений с федеральным центром. Это формирует низкий уровень внимания к наращиванию кадрового потенциала региона, необходимого для формирования горизонтальных социальных связей как условия инновационного развития.

В рамках регионального пространства актуальным является ресурсный дефицит. Это выражается в том, что система регионального управления действует в сфере формирования рынка труда по адаптивным критериям, по наращиванию рабочих мест. Внешне это выглядит весомым аргументом и отвечает критерию удовлетворенности/неудовлетворенности населения оказанием социальных услуг. Однако до сих пор приоритетами при формировании рынка труда являются не инновационное развитие, а стабильность, устойчивость, принятие решений, способствующих замедлению или снижению роста безработицы. Усилия региональных властей привязаны к стремлению остаться держателями властных и экономических ресурсов, сохраняя систему социально-клиентальной зависимости, работая с незащищенными группами населения. Вне внимания остаются социально креативные слои, с которыми можно связать перспективы инновационного развития как пространства для формирования новых социальных лифтов.

Каким образом проявляются механизмы взаимодействия социально-активной части регионального социума, то есть тех, кто видится лидерами будущей России и региональных элит? Здесь уместно замечание по поводу характера и направленности

реализуемых лидерских конкурсов, где приоритет отдается коммуникативным, командным, креативным качествам. Но есть основание подозревать, что сам характер формирования лидерских качеств не привязан к закреплению личности в региональном социуме, что характер поставленных задач и целей не направлен на формирование потребности в решении задач, приоритетов инновационного развития, поиска эффективных способов и определения целей, которые могли бы консолидировать региональный социум, мобилизовать региональные элиты и субъекты регионального пространства в направлении наращивания ресурсного потенциала регионального пространства.

«Местнические» интересы имеют характер вrastания в региональную элиту с целью использования уже наработанных схем ресурсоприсвоения и ресурсообладания. Ускорение инновационного развития как цели, ведущей к приумножению социальных благ в региональном социуме и повышению качества жизни основных групп населения, может создать условия для сближения государственных, частных и общих интересов. Вероятно, речь идет о том, что возможные «стейкхолдеры» региональных элит, которые ориентируются на «логику присоединения» с целью реализации собственных групповых интересов, проявляют разнонаправленную позицию при формировании регионального инновационного пространства. При том, что стартовым условием является неудовлетворенность реализацией собственных социальных амбиций и стремление внести изменения в региональное развитие с целью актуализации запроса на самоопределение, успех и другие достиженные цели. Речь не идет о выработке общего видения инноваций, как системных изменений в региональном социуме, учитывая разнородность по характеру выдвигаемых целей и степени организованности, способности взаимодействовать с региональными элитами, важным становится формирование «пошаговой» стратегии, включающей взаимодействие в реализации проектов, способных оказать мультипликативный эффект на различные аспекты регионального пространства.

Обращая внимание на то, что основные надежды возлагаются на молодежь, следует подчеркнуть, что в российских

регионах не сложилась оптимальная для инновационного развития социально-возрастная структура, что у большинства молодых «регионалов», к сожалению, доминирует представление о том, что талантливому амбициозному молодому человеку нельзя самореализоваться в провинции, что есть проверенный путь удачливых сверстников, живущих в столице. О переезде на постоянное место жительства в другой город России сейчас задумывается четверть россиян (25%) — чаще те, кому от 25 до 34 лет (40%). Не хотят переезжать преимущественно мужчины (75%), а также жители Москвы и Санкт-Петербурга (84%). Осуществить свое намерение в течение ближайшего года-двух планируют 21%, а в течение трех-пяти — еще 20%. При этом треть еще не решили, когда именно собираются переехать в другой населенный пункт страны (32%) [Охота к перемене мест... 2019]. Притом речь не идет только об амбициозных, обладающих развитыми лидерскими качествами молодых людях. Эту позицию разделяют и «середняки» по критериям способностей и оценке жизненных шансов. Для них работа, которая в столице считается непрестижной, не содержит перспективы социального роста, привлекательна по уровню удовлетворенности зарплатами, условиями работы, поскольку выигрывает по сравнению с аналогичной позицией в региональном социуме.

Таким образом, следует рассматривать молодежь, занятую в конкретных, уже действующих социальных инициативах, формирующих сетевые сообщества, дающие социально-полезный эффект в региональном социуме, демонстрирующей достаточный уровень консолидации для вступления в конструктивное сотрудничество с региональными элитами, как группу социальных альтруистов, работающих по принципу «отложенного вознаграждения», заявки на создание оптимального социального сценария для региона.

Здесь актуально задаться вопросом: что возможный партнер региональных элит предлагает в качестве общей цели? Какое место занимают в этой возможной связке новые социальные лифты? Масштабные исследования российских социологов демонстрируют интересные явления в региональных

субкультурных практиках, где «игровые» сообщества выказывают практический интерес к развитию культурно-развлекательного сегмента, туризма, экологии. Само по себе конструктивное начинание, однако, не содержит условий формирования стартовой площадки для новых социальных лифтов. Большинство молодых людей реализуют в субкультурных практиках потребность в самовыражении, не связанном с такими востребованными качествами, как высокий уровень образования, профессионализм или деловитость [Филина, 2017: 14]. Субкультурные практики остаются схемой социального действия, где ее представители уходят в параллельную реальность, проявляя ограниченный выборочный интерес к инновационному развитию, имея в виду формирование своеобразного культурного облика или привлекательности в качестве туристического бренда.

Поясняя это положение, можно привести пример примечательных инициатив, связанных с поддержанием интереса в молодежной среде к истории и культуре региона, что способствует развитию региональной идентичности и местного патриотизма. Однако существует проблема размежевания культурно-духовного экономико-организационного и технико-экономического аспектов инновационного развития. Основываясь на том, что культурная инициатива не может гарантировать рост инновационного потенциала региона в контексте инновационной привлекательности, инвестиционного климата, можно предположить, что проблема формирования новых социальных лифтов является опосредованной, связанной с тем, что в субкультурных практиках потенциально просматривается заявка на формирование новых социальных и социально-экономических ниш. Но вопрос в том, существуют ли в региональном социуме условия, позволяющие перевести инновационное развитие на путь постиндустриальной экономики, при которой приоритетом являются новые технологии (нанотехнологии, биотехнологии, новая энергетика, новые материалы).

Качество новых социальных лифтов, как механизмов восходящей социальной мобильности в региональном пространстве, по сравнению со старыми, традиционными, состоит не только

в конструировании новых сфер занятости, где можно реализовать творческий потенциал, но и в изменении социального статуса, выходе за пределы критерия доходности и удовлетворенности условиями труда, карьерных амбиций на уровень общественной полезности, того, что является идейной основой консолидации усилий в сфере инновационного развития. Иное измерение новых социальных лифтов может вызвать отторжение схем стабильного взаимодействия между региональными элитами и активными субъектами регионального социума. Главным фактором, влияющим на активную включенность в формирование новых социальных лифтов, является оценка шансов новых социальных лифтов на основе формирования инновационных сегментов и в экономике, и в других сферах жизни региона.

Все отмеченное выше позволяет сделать следующий вывод: пока слабо сформировался запрос на использование новых социальных конфигураций в региональном социуме. В рамках определения новых социальных лифтов, как общей цели, как желаемого будущего не прослеживается корреляция между ожиданиями реализации жизненных планов субъектов регионального пространства и новыми социальными лифтами. Вне этого условия включенность молодежи в лидерские проекты является «рябью на поверхности воды».

Здесь мы сталкиваемся с явлением парадоксального человека, того обобщенного типа, который воспроизводит тему функциональной некомпетентности, связанной с парадоксальностью поведения возможных субъектов инновационного развития. Суть в том, что происходит деформированное отражение тех или иных реалий [Тощенко, 2001: 63]. Проявляется разрыв между социальными амбициями, чаще искренним стремлением самореализации и привычностью схем действий, связанных со стремлением занять более высокие позиции в уже отлаженных социальных нишах регионального социума.

Можно сделать определенные выводы по исследуемой теме, содержащей теоретико-концептуальный и социально-практический смысл. Концептуально новые социальные лифты в региональном пространстве актуализируют находческие ресурсных критериев, объема и разнообразия ресурсов,

сфокусированных на ресурсном потенциале регионального пространства и ресурсоспособности субъектов регионального пространства. Практически формирование новых социальных лифтов в региональном пространстве, воздавая должное инициативе федерального центра по запуску проекта «Лидеры России», основано на «встречном» движении регионов, включающем не только усилия по обновлению кадрового ресурса регионального пространства, но и перспективу регионального развития, регулярную, постоянную деятельность высокоресурсных групп по созданию механизма восходящей социальной мобильности на основе «разнообразия» капиталов (налаживание механизмов конвертации социального и культурно-символического капиталов во властный и экономический).

Поэтому обнаруживаются «узкие места», связанные с рекрутированием региональных лидеров, охватывающих, несмотря на внушительные показатели участия, ограниченный сегмент регионального социума. Очевидно, что новые социальные лифты в региональном пространстве не предполагают обязательно вхождения в региональные элиты, тем более, что субъекты регионального пространства часто не ориентированы на властные ресурсы, а в большинстве случаев связывают восходящую социальную мобильность с изменением социально-статусных позиций по критериям общественной полезности, социальной самореализации, возможности социального творчества.

На этом пути есть и позитивные достижения, связанные с пока еще ограниченной, но имеющей мультипликативный социальный эффект на уровне регионального пространства «подвижки» в сторону роста культурно-символического капитала, ассоциируемого с региональным патриотизмом, и социального — с перспективами социальной консолидации регионального пространства в контексте новых социальных лифтов, расширяющих доступ «неэлитных» субъектов к принятию решений, имеющих жизненно важное значение для развития российских регионов.

Список литературы

- Дука А. 2020. От перемены мест ничего не меняется // Огонёк. № 3. 27.01.2020.
- Ерохин А. К., Красножон Г. А. 2018. Роль общественных организаций в социальном управлении регионом (на примере Приморского края) // Общество: политика, экономика, право. № 6.
- Конкурс «Лидеры России» // Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://лидерыроссии.рф> (дата обращения: 25.03.2020).
- Лалин Н. И. 2015. Модернизация как глобальный вызов и стратегия повышения её социокультурной эффективности в регионах России // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф. С. 34–63.
- Луц Ю. А. 2016. «Социальный лифт» в концепции П. Сорокина // Вестник науки и образования. № 7 (19) [Электронный ресурс] URL: <http://scientificjournal.ru/a/124-sot/274-sotsialnyj-lift-v-kontseptsii-p-sorokina.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- Маркин В. В. 2008. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. С. 229–249.
- Мендра А. 2000. Основы социологии. М.: NOTA BENE. 344 с.
- Охота к перемене мест: зачем и почему? 2019 // Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (дата обращения: 23.03.2020).
- «Охота к перемене мест...»: Исследование — каждый второй аспирант хочет уехать из России // Форум переселенческих организаций. 07.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://migrant.ru/oxota-k-peremene-mest-issledovanie-kazhdyy-vtoroj-aspirant-xochet-uxat-iz-rossii/> (дата обращения: 24.03.2020).
- Мухаметшина Е. Региональные элиты признали свою отстраненность от политики. Центр стратегических разработок

- выяснил, о чем мечтают местные руководители // Ведомости. 16.03.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/16/681386-regionalnye-eliti-politiki> (дата обращения: 24.03.2020).
- Сидорова Н. П.* 2018. Общественные организации как форма реализации гражданской активности населения региона // Власть и управление на Востоке России. № 1 (82). С. 79–84.
- Скабелина Н. А.* 2011. Общественные движения как объект социологического исследования // Вестник. Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. № 1 (11). С. 51–57.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.
- Тихонова Н. Е.* 2014. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. М.: Новый хронограф, Ин-т социологии РАН. 408 с.
- Тощенко Ж. Т.* 2001. Парадоксальный человек. М.: Гардарики. 398 с.
- Филина О.* 2017. Лики патриотизма очень разные // Огонёк. № 48. 04.12.2017.
- Чернега А. А.* 2014. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2 (58). Т. 2. С. 157–161.
- Чирикова А. Е.* Региональные элиты России: опыт социально-психологического анализа // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15–16 февраля 2019 г., Ростов-на-Дону, ред.-изд. гр.: А. Ю. Шутов (руков), О. В. Локота, А. В. Понедельков и др. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 206–218.
- Шмерлина И.* 2007. Что такое провинция? // Социальная реальность. № 3. С. 30–32.